

НЕМЦЫ И МЕННОНИТЫ УКРАИНЫ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Ю. А. Фесько

ОСОБЕННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ст. В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ПРОФЕССУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ (на примере Харьковского университета)

Розглянуто особливості урядової політики Російської імперії першої половини XIX ст. по відношенню до іноземних професорів вітчизняних університетів. На прикладі Харківського університету проаналізовано ставлення керівництва країни та університету до німецьких професорів навчального закладу.

Первая половина XIX ст. в истории высшего университетского образования Российской империи без преувеличения является отправной точкой всестороннего и насыщенного процесса утверждения роли и значения университетов в стране. Реформирование политической системы российского общества Александром I повлекло за собой и кардинальные перемены в сфере народного образования. Организация Министерства просвещения, расширение сети отечественных университетов, изменение ситуации на рынке труда выдвинули среди прочего на первый план образовательный ценз как условие получения престижной должности.

Организованные в первой половине XIX ст. российские университеты, среди которых был и Харьковский (1805 г.), столкнулись с проблемой комплектации штатов. Кадровая проблема довольно долго стояла на повестке дня отечественных университетов на начальных этапах их становления и развития. Практически все рос-

сийские университеты того периода имели трудности с заполнением вакантных профессорских и преподавательских должностей в штате учебного заведения. Отечественных специалистов катастрофически не хватало, и проблема решалась за счет приглашения большого количества западноевропейских ученых. Действительно, в стране в то время не было достаточного количества надлежащим образом подготовленных специалистов и потому решение о заполнении университетских вакансий иностранными профессорами было, по большому счету, неизбежным в процессе распространения научных знаний. Такая ситуация вызывала противоречивые суждения в среде отечественной интеллигенции, однако все понимали необходимость и усматривали определенную пользу от принятия такого рода решений. Отечественный исследователь конца XIX ст. А. Пыпин так писал об этой проблеме: «Но эти затруднения были неизбежны при первой постановке науки в обществе, ранее ее не имевшем. В самом деле, откуда было взять русских учёных; новая наука должна была когда-нибудь бросать свои первые корни, но позднейшее её развитие, при всех стеснениях, какие пришлось ей испытывать с разных сторон, и при всех её недостатках, указывает, что это было, однако, дело жизненное и для русского общества необходимое»¹.

В Императорском Харьковском университете с самого начала сложилась особенная ситуация в плане национальной специфики штата профессоров и преподавателей в виде могучих корпораций немецкой, французской, сербской и отечественной профессуры, которая сформировалась здесь с момента открытия учебного заведения. Причем в Харьковском университете, так же как и в других университетах империи, представители немецкого ученого мира занимали ведущие позиции в количественном отношении. По словам Д. Багалея иностранные профессора «занимали господствующее положение в университете и задавали ему тон»².

На момент открытия университета количество немецких ученых составляло 12 человек из 19 иностранцев, прибывших в Харьков в ответ на приглашение руководства учебным округом работать в новом университете. Всего же в штате учебного заведения на 1805 г. насчитывалось 25 человек³.

Одним из факторов стремления профессоров из немецких университетов в Россию было вторжение наполеоновских войск и закрытие ряда университетов в немецких землях. Кроме того, правительство Российской империи предлагало приемлемые условия работы и быта для приглашаемых ученых. Ординарный профессор в 1838 г.

получал 4000 руб. ассигнациями и 500 руб. ассигнациями квартир-ных, кроме того, за чтение публичных лекций полагалось 1000 руб-лей⁴. В целом на этапе становления университетской системы в Рос-сийской империи правительственная политика была направлена на привлечение и удержание в университетах иностранного континген-та профессоров.

Отличительной чертой университетской системы Российской империи было введение университетов в общую систему государ-ственных учреждений, существование которых субсидировалось пра-вительством. Более того, профессора университетов, а также других учебных заведений вводились в особую систему государственных чинов «Табель о рангах», принятую в 1722 г., положения которой упор-ядочивали иерархию должностей в стране и создавали стройную систему службы государю. Университеты получили право присваи-вать ученые степени, которые также соответствовали определенным чи-нам в соответствии с «Табелью». Наивысшей степенью считалась степень доктора, обладатели которой получали чин 8-го класса, т. е. коллежского асессора и право на наследственное дворянство. Сле-дующий этап – степень магистра, обеспечивающая своим обладате-лям чин 9-го класса (титулярный советник). Низшей была степень кандидата, отвечающая современному диплому специалиста с отли-чием и обеспечивающая принадлежность к 12-му классу (губернский секретарь).

С каждым из потенциальных претендентов на должность в уни-верситете велись переговоры, за успешный исход которых зачастую отвечали почитатели учебных округов. Получив от него (претенден-та) согласие, правительство предоставляло будущему профессору так называемые «путевые деньги». Более того, зарплата начислялась и выплачивалась потенциальному сотруднику университета еще до его прибытия в страну, т. е. с момента его утверждения Министерством на предложенной должности. Кроме того, звание чиновника 7-го класса, в соответствии с «Табелью о рангах», присуждалось тоже еще до фактического начала деятельности на указанной должности. Кро-ме ежемесячной зарплаты иностранные профессора получали квар-тирные деньги. Однако некоторые из прибывших в Россию вскоре меняли свое решение. Так, профессор политической экономии Люд-виг Якоб требовал от Правления университета увеличения заработ-ной платы, угрожая в случае отказа оставить Харьковский универси-тет ради вакансии в Кенигсбергском университете. Этот прецедент вынудил министра народного просвещения издать следующее распо-

ряжение: «Предписать, чтоб чрез Попечителей университеты при вызове профессоров объявляли им, что если бы они, по прибытии своем туда, действительно исправляя должность менее двух лет, пожелали оную оставить, то обязываются возратить в суммы университета выданные им на проезд деньги»⁵.

Важным моментом в исследовании данной проблемы является вопрос отношения руководства университета и учебного округа к иностранцам, в частности к немецкой профессуре. В целом эти отношения характеризуются, преимущественно на начальных этапах истории Харьковского университета, как взаимное сотрудничество. Правление университета, в частности, прикладывало немало усилий для того, чтобы профессора занимались своим непосредственным делом – наукой и преподаванием. Так, известно, что в 1811 г. к Слободско-Украинскому губернатору И. Бахтину обратился инспектор Слободско-Украинской врачебной управы К. Грумбах с просьбой содействия состоянию медицинского дела в городе Харькове. В городе в то время не хватало штатного лекаря и он надеялся на помощь университета в замещении вакансии. На запрос губернатора Правление университета дало такой ответ: «...оному требованию вашего превосходительства удовлетворить не можно, поелику все члены сего факультета заняты должностию по самому университету, и что господин профессор Дрейсиг прибавил к сему ещё своё мнение, что исполнение такого требования было бы унижительно для таких мужей, которые призваны и определены в университет для преподавания медицинских наук. Следовательно, не можно требовать от них того, чтобы занимались должностию подчинённого и подсудного инспектора врачебной управы. О чём правление сие имеет честь известить ваше превосходительство»⁶.

В соответствии с указанными общими принципами правительственной политики Российской империи и происходило формирование преподавательского состава отечественных университетов, и в частности Харьковского. В первой половине XIX ст. в Харьковском университете работало около 44 немецких профессоров и преподавателей, которые представляли все отрасли научного знания и занимали среди прочего руководящие должности в университете (Альбрехт Фридрих – декан медицинского факультета (1858–1863); Блументаль Адриан – декан медицинского факультета (1834–1836); Ган Фридрих – декан медицинского факультета (1837–1857); Дрейсиг Вильгельм – декан медицинского факультета (1813–1815); Кронеберг Иоганн –

декан словесного факультета (1821, 1823–1826, 1831–1833), ректор университета (1827–1829, 1833–1836); Фойгт Карл – ректор университета (1852–1859)). Многие были достаточно известными учеными, в частности химик Ф. Гизе (Эрфуртский университет), филолог Х. Роммель (Марбург), философ, экономист Л. Якоб (Галльский университет), ветеринар М. Пильгер (Гессенский университет) и др.

Со временем особенности огосударствления университетского образования в стране приводили к невосприятию властью Российской империи проявлений «вольномыслия» немецкой профессуры. Эпоха правления Александра I, по крайней мере, её начало, была открытой для проникновения влияний образовательных систем разных стран и особенно Германии, на становление российской системы высшего образования. Элементы «немецкой схемы» университета, а именно университетская автономия с правом самоуправления, выборность руководства университета и всего профессорско-преподавательского состава, широта подхода к преподаванию, имевшего не утилитарный, а общеполитический характер, были зафиксированы в Уставе Императорского Харьковского университета 1804 г. Однако иностранцы, особенно немцы, привыкшие к большей свободе у себя на родине, как указывает Д. Багaley, в глазах своих российских коллег выглядели «вольнодумцами и либералами»⁸. Первый профессор философии Харьковского университета Иоганн Баптист Шад, приглашенный из Йенского университета, в своем письме к И. Гёте от 16 августа 1804 г. описывает свои впечатления от университета и отмечает, что «свобода преподавания и научного творчества здесь чрезвычайно ограничена»⁹. Постепенно лояльное отношение со стороны правительства к иностранному контингенту меняется на терпимое, а подчас и враждебное (особенно по отношению к немцам) уже к концу 20-х гг. XIX ст.

Начиная с середины 1810-х гг., количество немцев в Харьковском университете заметно сокращается. Причин этого явления несколько. Прежде всего, и это естественно, постепенно исчезает сама необходимость в услугах не только немецких профессоров, но и в услугах других иностранцев. Появляются собственные, часто подготовленные при участии тех же иностранцев, педагогические кадры. Ситуация усиливается постановлением Министерства народного просвещения от 1815 г., которое законодательно определило приоритет отечественных ученых при принятии претендентов на университетские должности: «Поелику же обязанностью университета есть ста-

ратся образовывать собственных воспитанников к постепенному занятию всех мест в университете и весьма желательно, чтобы кафедры профессоров заняты были природными россиянами, то ... я гредписываю университету привести в исполнение таким образом, чтобы предложены были одни только россияне, но отнюдь не иностранцы»¹⁰. Кроме того, если вспомнить всемирную и российскую историю этого периода, то увидим, что это время было сложным этапом для существования университетов. 1815 год, в Европе, празднующей победу над войсками Наполеона, монархи ведущих государств, при активном участии российского императора Александра I создают Священный Союз, цель которого – борьба с демократическими движениями. Во все времена правители усматривали источник вольномыслия именно в просвещении, поэтому университеты в это время попадают под жесткий правительственный контроль. Более того, в Германии, которая в этот период переживала трудные времена после очередных политических перемен, зреет общее недовольство населения решениями Венского конгресса (1815 год, создание Немецкого союза) и политикой Священного Союза, свидетельствующей о нарастании консервативно-монархической реакции. Наиболее решительно свое несогласие с правительственной политикой показало студенчество немецких университетов, прибегая к различным формам протеста.

Университеты были отданы под присмотр полиции, в них пронеслась волна увольнений профессоров и отчислений студентов. В результате, во всем, что было связано с Германией, российское правительство усматривало угрозу существующему строю. Именно поэтому, возможно, меняется отношение и к немецким профессорам отечественных университетов, в частности Харьковского. Примером этого есть судьба профессора философии Харьковского университета Иоганна Шада, которого выдворили со страны с громким скандалом в невероятно короткие сроки. В 24 часа немецкого профессора уволили с занимаемой должности и препроводили за пределы Российской империи¹¹.

Таким образом, политика правительства Российской империи по отношению к иностранному контингенту профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов в первой половине XIX ст. носила двойственный характер. С одной стороны, правительство стимулировало к поступлению на российскую службу иностранных ученых, поощряло их научную и преподавательскую деятельность. С другой стороны, в стране вводился скрупулёзный

контроль за деятельностью профессорской корпорации, прежде всего за её иностранной частью, во время которого было уволено много талантливых преподавателей высшей школы.

Библиографические ссылки

- ¹ *Пыпин, А. Н.* История русской этнографии / А. Н. Пыпин. – СПб., 1891. – Т. 3. – С. 89.
- ² *Багалей, Д. И.* Характеристика просветительской деятельности Харьковского университета в первое десятилетие его существования (1805–1814) / Д. И. Багалей // Русская школа. – 1892. – Октябрь. – С. 15.
- ³ Обзорение публичных преподаваний, имеющих быть от 17 августа 1806 по 30 июня 1807 г. в Императорском Харьковском университете. – Х., 1806. – С. 6.
- ⁴ Записки Императорского Харьковского университета. – 1896. – Кн. 3. – Летопись. – С. 77.
- ⁵ Сборник постановлений по МНП. – СПб., 1864. – Т. 1 (1802–1825). – С. 152.
- ⁶ Государственный архив Харьковской области. – Ф. 3, оп. 18, д. 191, л. 7.
- ⁷ *Фойгт, К.* Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях от основания университета до 1859 года / К. Фойгт. – Х., 1859. – С. 20.
- ⁸ *Багалей, Д.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) / Д. Багалей. – Х., 1893–1898. – Т. 1 (1802–1815). – С. 209.
- ⁹ Briefe an Goethe. Gesamtausgabe im Regestform. – Weimar, 1988. – Bd. 4 (1802–1804). – S. 513.
- ¹⁰ Сборник постановлений по МНП. – Т. 1 (1802–1825). – С. 260.
- ¹¹ *Багалей, Д.* Удаление профессора Шада из Харьковского университета / Д. Багалей // Записки Имп. Харьковского университета. – 1899. – Кн. 1, 2. – Летопись. – С. 1–135.

Надійшла до редколегії 22.02.2008 р.